

академик Андрей Анатольевич Зализняк

«Наука и жизнь» №12, 2008

Текст лекции публикуется в сокращенном, журнальном варианте.

[Полную видеозапись лекции](#) можно посмотреть на сайте [Math-Net.ru](#). **Очень рекомендуем.**

Андрей Анатольевич Зализняк у доски во время лекции в МГУ

Археологические раскопки в древнем Новгороде, которые ведутся уже много лет под руководством академика В. Л. Янина (об этом в журнале начиная с 1964 года написано немало), приносят всё новые и новые открытия, касающиеся уклада жизни наших предков, того, какими были некогда взаимоотношения между людьми, и, конечно, вопросов лингвистики (см. «Наука и жизнь» № 3, 2006 г.). И каждую осень вот уже более двадцати лет в МГУ с публичной лекцией выступает известный лингвист А. А. Зализняк, специалист в области современной и исторической грамматики русского языка, сравнительного и общего языкознания, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, преподаватель филологического факультета МГУ. Свою ставшую традиционной лекцию он посвящает расшифровке берестяных грамот, найденных в новом сезоне. Слушатели — а это не только студенты и аспиранты-лингвисты, но и научные сотрудники других кафедр, и просто все, кому интересно заглянуть в далекое прошлое, — становятся участниками захватывающе интересного процесса: не отвергая предлагаемые из зала варианты расшифровки, Андрей Анатольевич вместе с аудиторией разбирает, почему нельзя принять ту или иную трактовку, и подводит присутствующих к верному ответу. Приглашаем читателей журнала вместе со слушателями лекции пройти этот путь.

В нынешнем археологическом сезоне в Новгороде найдено 12 берестяных грамот. Мы можем позволить себе разобрать не все, а избранные грамоты, что уже само по себе признак некоторого изобилия. Будем двигаться от малых грамот к большим.

Грамота № 973 (последняя в данном сезоне), найденная на Борисоглебском раскопе (XIII век), представляет собой неплохую задачу. Голландский славист Виллем Вермеер сформулировал следующий принцип: если от грамоты осталось девять букв, то как минимум одно слово должно выявиться. Так бывает не всегда, но его предположение, как показывает жизнь, работает. В грамоте № 973 ровно девять букв:

ГЕОНЕГОНЕ

При этом перед нами не обрывок, а законченный текст. Документ явно дошел до нас полностью: тщательное обследование бересты показало, что ни в одну из четырех сторон дальше текст не шел.

Экспедиционные шутники предложили считать Ге сокращением от имени Геня; тогда достаточно предположить, что третья буква от конца — описка вместо и, и мы получим... владельческую надпись Евгения Онегина:Ге. Онегине.

Но если серьезно, то начальное геон нельзя отделить от древнерусского геона ‘геенна, ад, преисподняя’. Это закономерное русское соответствие греческому слову *genna* с заменой е в начале слога на о — такой же, как в Ольга из *Helga*, Олёна из *Elena* и т. п. Что же следует из такого предположения?

Напрашивается хорошо известное сочетание ‘гееннский огонь’: всякий, кто имел дело со старыми текстами, встречал устойчивое древнерусское сочетание геоньскъ огонь (или с обратным порядком слов). В нашей грамоте усмотреть словогеоньскъ невозможно, но вместо него могло стоять притяжательное прилагательное геонь (‘гееннин, принадлежащий геенне’), записанное какгеоне, с заменой ь на е. Это слово прямо не засвидетельствовано, но в пользу его реальности говорит то, что существует притяжательное прилагательное адовъ от близкого по значению слова адъ (и ад, и геенна часто изображаются в старых текстах как одушевленные сущности).

Пусть мы истолковали отрезокгеоне. Но что такое остающеесягоне?

Из зала: Это огне (= огонь в силу замены ь на е) со случайной перестановкой букв г и о.

А.З.: Перестановка гласной и согласной встречается крайне редко, перестановка по опiske — это почти всегда перестановка согласных.

Из зала: Е после геон означает здесь [о] после мягкой согласной, то есть равно современномуё; всё вместе надо читать геонёгонь = геонь огонь.

А.З.: Вот с этим уже следует согласиться. Древнерусское действительно могло в определенных случаях читаться как современноеё. Геонёгонь — это своего рода сращение двух слов. Перед нами не простой текст, а некое «волшебное слово», род малого «заговора», заклятия. Возможно, например, что некий доброхот подложил его соседу под дом. Нестандартный способ написания (в данном случае «сращённая» запись двух слов) мог быть в таких случаях одним из приемов, увеличивающим магическую силу написанного.

Текст подобной структуры встретился среди грамот впервые.

Следующая грамота № 968 (1-я половина XIV века, возможно, даже начало), тоже небольшая, — из раскопа на архиепископском дворе (чему соответствует и ее содержание) в новгородском кремле. Этот обрывок — кусочек средней строки первоначального письма.

доу.говори вѣдѣ.как...

Обычно такого рода обрывки мало что могут дать. Посмотрим, чем закончится наше расследование на этот раз.

Здесь немного больше, чем девять букв. За исключением...доу, которое не совсем ясно, остальная часть вполне понятна: ‘говори владыке, как...’ ... Что «как»? Как было дело, как всё произошло, как надо поступить или что-то подобное?

Концом чего было начальное -доу?

Из зала: Правду!

А.З.: Мы, в Новгороде, конечно, тоже в первый момент предположили, что этоправду (или правду). Увы, в этом решении всё замечательно, кроме одного: слово правда в то время не означало правды! Оно означало законное разбирательство по суду, и «говорить его» — практически невозможно.

Допустимых вариантов толкования несколько, но самым вероятным мне представляется вариантобидоу (или про обидоу); это чрезвычайно напоминает грамоту XII века № 725, где тоже сообщается архиепископу именно про «обиду»: ...сѣкажита владычѣ мою обиду. И здесь налицо точно такое же сочетание, причем без про — с прямым дополнением.

Казалось бы, анализ грамоты и окончен... Ан нет! Самое интересное тут не-доу, а банальнейшее слово говори, на котором современный читатель вряд ли даже вообще остановит взгляд. Между тем слово говори оказывается выдающимся элементом текста — подарком для истории русского языка.

В этой грамоте глагол говорити значит ровно то же, что в современном языке, — ‘dicere’ (то есть именно ‘говорить’): один человек (речью) сообщает нечто другому человеку. Такое значение придавалось слову говорити не всегда. Раньше оно имело совсем другой смысл. В найденных прежде берестяных грамотах этот глагол встретился в том же, современном значении всего четыре раза. Но эти грамоты более поздние: № 530 (1370–1380-е годы) и грамоты конца XIV и XV века. Таким образом, небольшой отрывок, сохранившийся на бересте № 968, оказался — не только в корпусе берестяных грамот, но и вообще во всей истории русского языка — первым документом, где говорити означает ‘говорить’! До этого слово говорити и идущее с ним в пареговоръ означали нечто иное: звуки, которые издает масса людей или иных живых существ, единый гул, шум многоголосой толпы (возможно, даже с элементами угрозы, как в современных ропот, роптать).

Из «Повести временных лет»: «И въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ» — рассказ о племенах Зауралья, заключенных в горе. Из Суздальской летописи XII века: «И бысть говоръ акы до небеси отъ множества людей, отъ радости великия». Из летописного свидетельства 1068 года: «И начаша людие говорити на воеводу Косняча...» — тоже в значении ‘роптать, шуметь’.

На вопросы лектора аудитория откликлась очень живо и заинтересованно

Подобное значение глагола говорить отчасти сохранилось в северных говорах. В «Словаре русских народных говоров» мы находим: «говорить, о птицах: петь, щебетать, каркать и т. п.» (то есть скорее ‘гомонить’). «Если весной птицы еще не говорят — будет холодно, засиверка».

В онежских былинах в записях Александра Федоровича Гильфердинга: «Прилетали тут русские птицы, учили тут пети-говорити, как млад соловей щекотати».

Из зала: А какая этимология у глагола говорить?

А.З.: Слово родственно санскритскому *gavate* ‘звучит’; так что древнее значение ‘шуметь, гомонить’ у глагола говорить исторически вполне оправданно.

Таким образом, обрывок текста на бересте — первый засвидетельствованный пример употребления слова в современном значении в истории русского языка.

Данная эволюция значения — совершенно типовая. Глагол со значением ‘dicere’ может происходить из разных семантических источников, но этот — один из наиболее популярных. В славянской зоне можно указать не менее семи таких случаев. Старейший из них — мълвити. В старославянском мълва — ропот толпы, мятеж. Затем (и довольно рано) наступает такое развитие значения, при котором в древнерусском языке это уже нормальный глагол для ‘dicere’. Остальные примеры диалектные, но их много. В русских говорах глаголы гомонить, галдеть, гаметь, шуметь/шумнуть, по данным «Словаря русских народных говоров», имеют среди прочего нейтральное значение: просто ‘говорить что-то кому-нибудь’. Особенно яркий новейший пример — из речевой практики интернет-сообщества: базарить — от базар, для которого характерен именно хаотичный шум толпы. Но в словаре сленга мы уже видим слово базарить просто в значении ‘говорить’, без дополнительных уточнений.

К этому можно добавить одну небезынтересную вещь: и словоговорити, и слово говоръ есть в «Слове о полку Игореве». Сочинитель XVIII века, если бы он подделывал «Слово», никаким образом не мог знать о хронологической границе между двумя значениями слова говорити, которая пролегла около 1300 года, так что он легко мог «попасться» на этом самом обычном слове современного русского языка. Однако же автор не «попался» — он безупречным образом использовал оба эти слова в древнем значении, а не в новом. В «Слове о полку Игореве» говорили (в подлиннике: говоряхуть) не люди, а галици (то есть галки) и говоръ был не людской, а галичь (галочий). В обоих случаях изображается звук голосов нерасчлененной массы (в данном случае птиц) — в точном соответствии со старым значением. Замечу, что в переводах практически везде дается: «Галки свою речь говорили»; но это неточный, бессознательно модернизированный перевод: точный смысл — «Галки своей речью гомонили».

Когда я занимался проблематикой подлинности «Слова», я не обратил внимания на словоговорити. Это не первый раз, когда сверх уже известных еще один частный признак текста «Слова», не привлекавший ранее к себе внимания, оказывается проявлением древности.

Такие вот любопытные вещи вытекают иногда из крошечных берестяных фрагментов.

Перейдем теперь к грамоте № 964. Она тоже найдена на архиепископском дворе и тоже датируется XIV веком, но уже второй его половиной или даже концом. Сохранились целиком первые две строки и часть третьей, дальше — обрыв:

ѠГНУ. ЕЛИЗАРУ. МНОГО ЧЕЛОМЪ БЮ
ПОСЛААЪ. ЕМЪ.ѠГНЕ.К ТОБЪ. С ЛАРИОНЪ
- - - - - . КЛЕЩЕВЪ.ПОШЛИ.ѠСПОДИНЕ

Начало читается легко: «Господину Елизару много челом бью». В начале грамоты стоит весьма редкая формула: от первого лица «челом бью», при этом не указывается, кто; господин Елизар должен сам понять, от кого письмо.

После с Ларионъ в начале следующей строки примерно четыре буквы утрачены. Каков здесь был первоначальный текст?

Из зала: С Ларионом.

А.З.: Но после Ларион в тексте стоит не о, а ѡ, и вместо четырех добавочных букв получаются только две (мъ).

Из зала: С Ларионкою.

А.З.: Но суффикс -к-а не смягчает предшествующую согласную — он даст форму Ларионка, а не Ларионька.

Из зала: С Ларионцем.

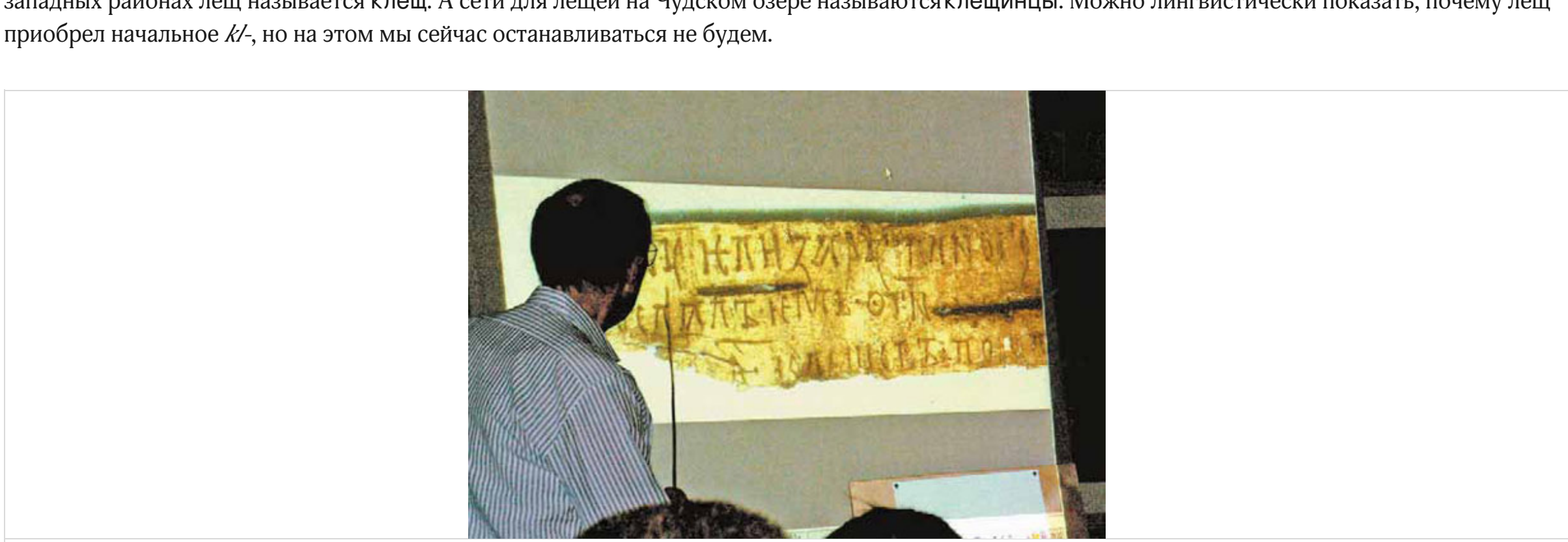
А.З.: Да, с Ларионъцемъ — единственное решение, не предполагающее никаких ошибок и случайностей. Уменьшительные имена с суффиксом-ецъ (типа Ларионецъ) для Новгорода весьма характерны.

В третьей строке после обрыва видна угловатая верхушка буквы с титлом. Это цифра, означающая количество «клещев». А что значит «клещев»?

Из зала: Это клещи.

А.З.: Но это грамота с безупречной орфографией, а клѣщи пишутся через ять; кроме того, форма родительного множественного от этого слова едва ли может выглядеть как клещевъ.

На самом деле уже давно установлено, что это не клещи, а ‘рыба лещ’. Много лет назад найдена грамота № 169, где сказаноВасилевъ Софонть ова Онтане. послале Овдокиму два клеща да щука. Однако она в течение многих лет переводилась как ‘послал щуку и двое клещей’, пока совместными усилиями филологи не установили: всё-таки парными к щуке должны быть не клѣщи, а лещи. До сих пор еще кое-где в северо-западных районах лещ называется клещ. А сети для лещей на Чудском озере называются клещинцы. Можно лингвистически показать, почему лещ приобрел начальное *лщ*, но на этом мы сейчас останавливаться не будем.

Во время выступления в Новгороде А. А. Зализняк показывал на слайд-экране берестяные грамоты, найденные в раскопках. Это грамота № 964

Сколько же лещей послал наш автор? Сохранившийся в тексте уголок не может быть верхушкой отд (=‘4’), поскольку окончание клещевъ могло быть только в случае, если бы они были одушевленными, а в XIV веке они были еще очень даже неодушевленными. Первоначально предполагалось, что это л (=‘30’); однако в грамоте всегда л (как, кстати, и д) пишется с плоским верхом. По мере изучения текста посылка подрастала: Елизар получал всё больше и больше лещей. Так, возникло предположение, что верхний уголок принадлежит букве о (=‘70’). Но в конце концов было установлено, что это верх от буквы р (=‘100’). Так что Елизару было отправлено целых сто лещей.

Теперь обратимся к другой проблеме, лингвистам уже хорошо известной, но по которой в грамоте кое-что встретилось впервые. Почему форма гну начинается с ѡ, хотя смысл предельно ясен — ‘господину’? Часто это слово пишется просто какгну (с титлом или даже без титла); но в данном случае имеется еще странное начальное ѡ. Для формы ѡгне в принципе можно было бы предположить, что это «о восклицательное»: «О господин!» (хотя надо сказать, что никаких надежных «о восклицательных» в берестяных грамотах нет). Но для ѡгну и такое объяснение невозможно.

Слово «господин» встречается часто, в поздних грамотах — очень часто, в ранних как раз реже. Статистику здесь можно установить весьма точную. Имеются два способа записи слова господинъ (и его производных): полный и сокращенный, при котором используется одна из идеограммгн-, ги-, г-, гд- (с титлом или без титла). Как показали подсчеты, употребление разных способов записи отчетливо зависит от хронологии.

годы	полная запись		сокращённая запись (с идеограммой)
	ГОСПОД-	ОСПОД-	
До ~1350 г.	14	0	8
~1350—1400 г.	7	7	14
После ~1400 г.	1	39	45

Видно, сколь явно растёт с веками необходимость словесно выражать свое почтение к иерархическому старшинству — как увеличивается в абсолютных цифрах пласт грамот со словом «господин». Но сейчас речь не о том. Для нас важны качественные изменения.

Совершенно очевидно, что во второй половине XIV века в древненовгородском диалекте произошло резкое изменение, состоящее в том, что вместо господинъ, госпожа, господа стали употребляться формы без начальногог-: осподинъ, оспожа, оспода. Но при этом ничего не происходит в колонке с идеограммой. Почему? 45 случаев с идеограммой гн- в XV веке — это явно те случаи, когда слово пишется сг-, а читается без г-.

А что же за начальноеѡ- в записи ѡгну (и ѡгне)? Теперь, когда мы уже знаем, чтоѡгну читалось как осподину, ответ становится понятен: приписанное перед идеограммой ѡ- есть фонетический уточнитель, помогающий правильно прочесть запись с идеограммой. Он ничем не отличается от уточнителя типа -й в 1-й (= первый), кроме того, что стоит спереди, а не сзади. К конечным фонетическим уточнителям мы вполне привыкли и не видим в них ничего поразительного, но начальных уточнителей в современном русском языке нет, и они кажутся нам чем-то странным. Но в древнерусской практике они существовали; например, известны примеры записей типа ои = осмъ (где и — ‘8’).

Приведенные нами расчеты сделаны не сейчас, и основной вывод из них известен уже относительно давно. Но никогда еще не было примеров того, чтобы в одной и той же грамоте слово «господин» было записано и с идеограммой (ѡгну, ѡгне), и полностью (ѡсподине). До нынешней находки в любой грамоте присутствовало либо то, либо другое. В грамоте № 964 впервые непосредственно видно, что за идеограммами с о- необязательно стоит произношение с о-. Это первый документ, где в трех соседних строках есть и загадка, и разгадка.

В публикациях исторических документов любоегн- расшифровывалось как господинъ, а не осподинъ. Сейчас мы должны признать, что для документов XV века и более поздних это, к сожалению, ошибочно. А сокращение огну расшифровывалось как огосподину. Но сейчас мы можем решительно утверждать, что этого загадочного, необъяснимого с морфологической точки зрения слова в действительности никогда не существовало.

Следующая грамота № 966 (XIII век) дошла до нас в порванном виде. Ни одна строка целиком не сохранилась. Поэтому привожу эту грамоту не целиком, а даю только наиболее интересный фрагмент. Грамота содержала записи о том, «на ком сколько положено долгу» (с использованием глагола положить).

...(по)ложило есмь ѡддиноу гривонуу

Что за странное написание адиноу (при том, что значение ‘одну’ очевидно)? Ведь в Новгороде не акали, поэтому предполагать здесь эффект аканья нельзя (а часть эту грамоту за иногороднюю тоже нельзя, поскольку в ней есть некоторые диалектные новгородские черты).

Из зала: Автор написал цифру а (=1’), а потом решил исправить запись на словесную и для этого дописалдиноу.

А.З.: В главном верно; ä — это цифра ‘1’ с редким знаком числа — двумя точками. Толькодиноу — не исправление, а такой же фонетический уточнитель, как в 5-й (или 5-ый), только более длинный. Правда, ныне мы не выписываем длинных концов слов, скажем, не пишем2-торой. Но в древнерусскую эпоху такого ограничения не существовало. В «Ферапонтовской кормчей» XVI века несколько раз встретилось написание **брóму** (= вторóму), где выписан длинный конец слова. В берестяной грамоте № 339 (вообще говоря, плохонькой, но, как мы видим, и плохонькие тексты способны совершать чудеса), адресованной «господину посаднику», автор написал слово «господину» таким поразительным образом: **спѣдиноу**. За этой записью, в соответствии с тем, о чём речь шла выше, стоит, конечно, осподину: в начале выставлено фонетическоео-, в конце выписана длинная конечная часть -диноу (ровно такая же, кстати, как в нашемäдиноу), а в середине стоит передающая корень идеограмма **тѣ**, которая тут читается фактически как спо! Автор явно не стремился к экономии, а реализовал свое представление о том, как следует хорошо писать.

Вопросы словесности интересуют не только взрослых, но и школьников. Вполне возможно, среди них — будущие лингвисты

Теперь мы подходим к нашему*plat de résistance* («главному блюду»): большой грамоте № 963, одному из дорогих подарков историку — в том смысле, что текст можно датировать с точностью до пяти лет. Это чрезвычайно редкий случай. Бывали грамоты, привязанные к тому или иному князю, но это соответствовало довольно большому промежутку времени, а тут пять лет!

Текст адресован архиепископу, что неудивительно, так как найден на архиепископском дворе. Правда, на радость археологам владыка не очень внимательно отнесся к петиции: она оказалась у него в грязи во дворе. К сожалению, последняя строка наполовину утрачена, и в ее восстановлении возможны лишь вольные версии.

ѡсподину архіепискѹ новѣгѡцкому влѣдкѣ семену сѣѣ
ѣ.бѣи оуєздѣ.сиротѣ твои ошевѣски погостѣ ржевици.тебѣ
ломѣ.бьютѣ вси ѿ мала и до велика. ѡспода.рю послали.єсме ѡсп
одинѣ дѣака. олексадра за[нєжѣ](ѡ)[тѣць] - - и дѣдѣ его пѣль. оу
сѣѣ. бѣци. в ошевѣ. и цѣо бы єси ѡсподинѣ. к сѣѣ бѣци. того дѣака
поставилѣ
попомѣ.а с ним.єсме послали труфана ѿ погоста.занєжѣ
цѣркѣвъ.стоитѣ бес пѣтъа. а другогѣ ѡсподинѣ сѣѣ влѣдѣ
престолѣ. в[о цѣр](кѣѣ) [ѿ] - - - - (-) какѣ ѡсподинѣ. о томѣ оужакѣ
(шь) -----[тѣи ж] п[рестолѣ гсдинѣ]

В Новгороде был только один архиепископ Симеон (1416–1421). Отсюда и точность датировки, благодаря которой появилась возможность проверить наши таблицы так называемого внестратиграфического датирования (то есть опирающегося только на формы букв, языковые признаки и этикетные формулы, но не на археологические данные). Для этих таблиц наступил «момент истины». Эксперимент был проделан, и таблицы дали следующий ответ: предпочтительно 1380–1420. То есть таблицы выдержали испытание достаточно хорошо.

Но вернемся к тексту. Челобитную подают ржевичи — жители местности вокруг Пустой Ржевы (ныне это уже Псковская область, а тогда юго-западный угол Новгородской земли). Они описывают себя чрезвычайно детально: назван уезд, погост, дано указание сиротѣ твои, то есть крестьяне (это одно из известных обозначений крестьян). Но синтаксис необычный: идет нагромождение именительных падежей. Погост и уезд как обозначение совокупности их жителей — явление, которое можно встретить и в современном казенном языке. Погост этот историки называют Ошевский. И современный русский язык действительно располагает к тому, чтобы именно так поставить ударение, если написано Ошевский. Но на современной карте значится населенный пункт Ашево. (Замечу, что после находки этой грамоты он может при желании отметить на законном основании свое 600-летие.) Данная территория теперь находится в акаущей зоне. И в Новгороде в докладе о последних находках я отметил, что такое расхождение написаний между берестяной грамотой и современной картой (в Ошевѣ — Ашево) позволяет утверждать, что принятое у историков ударение Ошевский не соответствует тому, как называют себя сами жители этого места. Одна из слушательниц доклада пришла через некоторое время с сообщением, что она связалась по телефону с населенным пунктом Ашево и задала единственный вопрос: «Как вы себя называете?» Оказалось: Ашево.

Перевод грамоты: ‘Господину архиепископу новгородскому владыке Семену крестьяне твои, Святой Богородицы уезд, Ошевский погост, ржевичи, тебе, господарю, челом бьют все от мала и до велика. Мы послали, господин, дьяка Олексадра, потому что отец (его (?)) и дед его пел у Святой Богородицы в Ошеве. И ты бы, господин, к Святой Богородице того дьяка поставил попом. А с ним мы послали от погоста Труфана, потому что церковь стоит без пения (= без службы). А другое [дело], господин святой владыка: престол в церкви от… Как, господин, о том укажешь? … … … Освяти же престол, господин’.

Престолъ ѡт — что случилось с престолом, из-за обрыва непонятно, но нет сомнений, что он как-то был поврежден. Возможно, ржевичи его уже починили и просят владыку освятить новый.

Переходим к грамоте № 962. Она была найдена (в виде двух фрагментов) не при раскопках, а в результате археологического наблюдения над инженерными работами, производившимися на Михайловой улице. Поэтому нормальной археологической даты у грамоты нет. Судя по почерку и по языку, это XV век, очевидно, вторая половина.

Это большое письмо (восемь строк), сохранившееся целиком, кроме трех букв.

Начало письма таково:

ѡломѣ бьѣтъ . олексеі о заболотѣа. софонтею . тимофѣю . ѡо єсте приказали
мигѣ . свою землю. номѣ . ѡступодо.подовалѣ єси по живашимѣ здоровьемѣ. положи. гра
моту по чому єси давалѣ приказали ми старѣшии . и азѣ давалѣ

Короткое слово перед заболотья не совсем ясно; по-видимому, его следует понимать как «от»; заболотье — это либо просто местность за болотами, либо, что более вероятно, название конкретной деревни.

Приказали свою землю — значит, поручили управление ею. Алексей явно служит (в качестве управляющего) у двух феодалов — Софонтия и Тимофея.

Понять точный смысл первых фраз собственно письма трудно, хотя все слова ясны. Единственный способ разумно осмыслить фразуподовалѣ єси пожни вашимѣ здоровьемѣ — принять, что єси написано по ошибке вместоєсмѣ. Алексей Алексеевич Гиппиус, наш главный специалист по тому, «кто есть кто» в берестяных грамотах, пришел к выводу, что другого решения для этого отрезка нет. Таким образом, управляющий говорит, что те земли, которые ему поручили, он раздал от имени своих господ.

Подовалѣ написано вместо подавалѣ; о в корне в принципе может быть результатом аканья (в грамоте нет новгородских признаков), но всё же более вероятно, что это просто ошибочный повтор идущего раньше такого же подо: осподо **подовалѣ**. Кроме того, форма довать могла возникать в окающих говорах под влиянием приставки до-; сходным образом в окающих северных говорах и рукописях появляютсяначлєгѣ, начевать — под влиянием приставкина-.

Сама словоформа подавалѣ, в отличие от современного языка, относится к совершенному виду — она подобна современнымпораздавал, поотдавал. Это видно из целого ряда берестяных грамот.

Вашимѣ здоровьемѣ — известная формула. Имеется в виду не медицинское здоровье, а благополучие, сила, общественное положение, авторитет; формула практически означает «с полномочиями от вас».

Осподо — звательная форма. Словоформа господа раньше была отнюдь не множественным числом; как ибратія, это было собирательное существительное единственного числа женского рода — моя господа, мою господу, с моею господою. Эти слова со временем превратились в обычное множественное число, поскольку при них можно было использовать множественное число сказуемого, подобно таким оборотам, как Русь пришли, войско пришли; а отсюда уже один шаг до того, чтобы приравнятьгоспода к настоящим формам множественного числа вроделюди (ср. люди пришли).

Ударение господá было единым для всех значений данного слова (так что ударениегоспѡда, которое иногда используют историки для значения ‘совокупность хозяев’, ‘хозяйство’, является искусственным или заимствованным из украинского). Но слово принадлежало к подвижному типу ударения; в частности, его звательная форма имела ударение ѡсподо. А почему это существенно — мы увидим ниже в той же грамоте.

Дальше в тексте идут два предложения, в которых неясно, кто «ты», а кто «я»:положи грамоту по чому єси давалѣ ‘предъяви грамоту, по которой ты давал’; приказали ми старѣшии и азѣ давалѣ ‘приказали мне «старшие» (старосты), и я давал’. Непонятно, кто это говорит и как связать эти фразы с остальным текстом.

А. А. Гиппиус является первооткрывателем целого пласта в толковании берестяных грамот — их коммуникативной структуры. На материале всего корпуса берестяных грамот он показал, что в них бывает то, что в современных письмах совершенно недопустимо, а именно: без всякого предупреждения после речи автора может пойти речь другого лица или, наоборот, может меняться адресат. Благодаря этому открытию Гиппиуса произошло «перепрочтение» большого числа грамот, которые мы раньше читали «плоско», исходя только из нынешних представлений о том, как пишутся письма.

Грамота № 962 — уникальный подарок лично Гиппиусу. То, что раньше надо было выявлять чрезвычайным напряжением ума, с использованием сложной комбинации аргументов, здесь лежит на поверхности. Дело в том, что помимо текста, написанного крупными буквами (а именно он только и воспроизведен выше), в грамоте есть вписанные мелкими буквами тем же почерком дополнения. Очевидно, перечитав текст, автор усомнился в том, что его поймут, и над началом реплики положи грамоту по чому єси давалѣ он вписал попь молвить. Это значит, что была приведена речь попа, требующего от Олексея подтверждения его полномочий. А над первым словом реплики приказали ми старѣшии и азѣ давалѣ вписано Олесєі. (уже даже без словамолвить — совершенно как ремарка в пьесах). Это ответ Олексея на претензию попа.

Ясно, таким образом, что вначале автор грамоты (или писец, если автор писал не сам) поступил точно по теории Гиппиуса — привел чужие слова без всякого предупреждения о том, кто это говорит. И лишь позднее решил всё же это для большей ясности уточнить.

Дальнейший текст Олексей (или писец) написал уже с указанием того, кто что говорит, прямо в тексте.

а нонѣ погъ повѣсѣ
туть такъ давалъ кси пожни в наймы і хто имѣть тѣи пожни косить. и азъ
тѣихъ поймаю да траву на воротъ взважю да ихъ веду в городъ нонѣ
ѡсподо какъ о мнѣ са печалутеса: а азъ вамъ свои осподѣ чоло
мъ бѣю. толко ѡспю имѣете мене жаловати обѣтшлите ѡсподо ко мнѣ
грамотьку . до петрова дѣи. занежъ. ѡсподо сено косать ѡ петрове
дни

Повестуть ‘говорит, повествует’ — вряд ли пропускѣ; скорее это севернорусское стяжение с долгим гласным типа работа:т ‘работает’, требу:т ‘требуют’. Эта особенность представлена также ниже в слове печалутеса.

Из текста мы понимаем: власть попа явно выходит за рамки церковных дел. Олексею он говорит: «Ты давал землю в наем, а тех, кто будет эти земли косить, я поймаю, привяжу им траву на ворот и поведу в город». В город — естественно, в Новгород.

Замечательно наказание: «траву на ворот взвяжу». Прежде всего, что такоеворот? Сейчас это то же, чтоворотник, но исторически — это ‘шея’, поворотное устройство для головы (замечу, что к тому же самому праиндоевропейскому слову, что ворот, восходит персидское*gardan* ‘шея’).

Взвязати — очень колоритный глагол, означающий движение снизу вверх (в данном случае от земли, где находится трава, к шее человека). Естественно предположить, что на шею траву надо привязать в знак того, что она ворованная. «А откуда мы знаем, что ворованное вешается на шею?» — вопрос, который задали мне еще в Новгороде. Нет ли в русском языке какого-либо речения, которое подтверждало бы эту версию?

Из зала: Есть! Пословица: брань на вороту не виснет.

А.З.: Совершенно верно. Современному человеку образ, на котором построена пословица, непонятен; с чего это брань должна висеть на вороту? Но значение — «чужая брань не позорит человека» — подсказывает мотивацию: значит, на шею вешали что-то с целью опозорить человека.

И действительно, Марфа Толстая быстро нашла подтверждение в этнографической литературе; в работе М. Седовой «Быт томичей на крестьянском дворе» (Томск, 2003) мы читаем: «Сурово наказывало общество и за воровство; вору вешали украденное на шею и водили по селу, чтобы всякий мог его ударить и плюнуть».

Конфликт Олексея с попом — это спор о том, кто имеет право распоряжаться землей. Олексея просит господ «печаловаться» о нём.

Сл печалутеса — «двойное ся», явление, характерное для позднерусского периода.

Слово только в языке XV—XVII веков могло иметь значение ‘если’.

Очень интересна словоформа оспо ‘господа’. Это не недописанное осподо, как кажется на первый взгляд, а особая усеченная форма, представляющая собой этикетное обращение. Она четко показывает, что ударение в осподо было не конечным — при ударении осподѡ конечный слог не мог бы отпасть. Это усечение имеет аналоги в таких «сжавшихся» с течением времени обращениях, как -с из сударь, *monsieur* [msjø] из *mon seigneur*, такого же происхождения английское *sir*: Обращения становятся «фонетически скомканными» быстрее других слов языка.

Форма, сходная с оспо, засвидетельствована у Тонниса Фенне, составившего в 1607 году в Пскове русско-нижненемецкий разговорник — ценнейший памятник русской диалектной речи начала XVII века. В его разговорнике несколько раз встречается форма *asze* (обращение к господину), не имевшая до сих пор общепринятого объяснения. Новая находка удревляет эту форму более чем на 100 лет.

В конце письма Олексея просит господ, если они его «пожалуют», то есть решат спорный вопрос в его пользу, прислать об этом «грамотку» до Петрова дня — даты, когда по общерусской традиции начинали сенокос.

Перевод заключительной части грамоты: ‘А теперь поп говорит так: «Ты давал пожни в наймы, а кто будет те пожни косить, тех я схвачу, да траву на шею привяжу и поведу в город». Как, господа, теперь обо мне позаботитесь? А я вам, своим господам, челом бью. Если, господа, меня пожалуете, то отошлите, господа, ко мне грамотку до Петрова дня, потому что, господа, сено косят на Петров день’.

Итак, новый сезон принес хорошую порцию новых грамот. Каждый год лингвисты получают из-под земли новые крупницы знания древнерусского языка. Каждый год новонайденные грамоты не только полнее освещают уже известные нам в принципе явления древнерусского языка, но и открывают такие элементы лексики, синтаксиса, морфологии или фонетики, которые доньше ни в каких источниках не встречались. Этот принцип подтвердился также в находках нынешнего сезона.

Записал лекцию кандидат филологических наук Д. Сичинава.
Фото А. Евдокимовой и Д. Сичинавы.

См. также:

[Древнерусские берестяные грамоты.](#)

 3 1   2

 КОММЕНТАРИИ (2)

«Наука и жизнь» №12, 2008

Новостная рассылка

ВАШ E-MAIL

ПОДПИСАТЬСЯ

Э | Л | Е | М | Е | Н | Т | Ы

Новости науки

ЛНС

Картинка дня

Задачи

Библиотека

Видеотека

Книжный клуб

Научный календарь

Детские вопросы

Масштабы: времена

Плакаты

200 законов мироздания

Журнал общей биологии

Наука в Рунете

 БАЗИС
Фонд развития
науки

При поддержке фонда
«Базис»

[О проекте](#) [Обратная связь](#) [Подписаться на рассылку](#)

© 2005–2017 «Элементы»